

СТАРЕЦ ЗОСИМА И ЕПИСКОП ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

Прототипика играет существенную роль в художественном мире Ф. М. Достоевского.¹ Прототип у Достоевского не только «первообраз», «основа для создания того или иного художественного образа»,² но в системе «фантастического реализма» писателя — это прежде всего основа реальности образа. В. И. Даль дает слову «прототип» синоним «истинник».³ У Достоевского «прототип» — именно «истинник», т. е. залог истинности, жизненной подлинности литературного героя. Особенно важно существование таких прототипов-«истинников» для «идеальных», программных образов в творчестве писателя. Это в первую очередь относится к «идеальному христианину» — старцу Зосиме в «Братьях Карамазовых».

По поводу образа старца Зосимы Достоевский, посылая в редакцию «Русского вестника» книги «Pro и contra» и «Русский инок», в письмах Н. А. Любимову делает два важных замечания: «Если удастся, то сделаю дело хорошее: заставляю сознаться, что *чистый идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее. . .*» (30₁, 68); «Я же считаю, что против действительности не погрешил: не только как идеал справедливо, но и *как действительность справедливо*» (30₁, 102) (курсив мой. — Г. В.). Писатель сообщает о Зосиме с чувством внутреннего видения героя в самой действительности — «воочию». Эта авторская установка на создание не только правдоподобного, но жизненно реального, будто взятого из самой жизни героя реализуется уже в первых упоминаниях Зосимы в романе, в том кратком экскурсе в историю русского старчества (гл. «Старцы»), где Зосима ставится в ряд с реальными старцами-подвижниками XVIII—XIX вв.: Паисием Величковским (1722—1794), оптинскими старцами, чем создается впечатлительнее исторически реального образа.

Понимание образа старца Зосимы шло во многом по пути его соотнесения с реальными лицами. Уже в одном из первых откликов

¹ Изучение прототипов в творчестве Достоевского справедливо стало специальным разделом достоевсковедения, свидетельством чему может служить издание отдельной монографии по этому вопросу: *Альтман М. С. Достоевский: По векам имен.* Саратов, 1975.

² Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 299.

³ *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.* М., 1980. Т. 3. С. 521.

па роман в «Обзоре журналов» в «Страннике» за июль 1881 г. неизвестный рецензент утверждал: «. . . есть факты, которые заставляют думать, что старец Зосима Достоевского — художественное воспроизведение прямо с натуры. . .». И далее автор выдвигает предположение: «Не этот ли старец Леонид, ближайший из учеников Паисия Величковского, возобновителя „старчества“ на Руси (Зосима также ученик Паисия), послужил прототипом Зосимы?».⁴ Видимо, это первый опыт разыскания в области прототики старца Зосимы. Позже А. Г. Достоевская в примечаниях к сочинениям писателя отметила связь Зосимы с оптинским старцем Амвросием⁵ (1812—1891). Это мнение стало общепринятым в литературе по Достоевскому.⁶ К. Н. Леонтьев, однако, уточнял, что «Достоевский описал только его (Амвросия. — Г. Б.) наружность, но говорить его заставил совершенно не то, что он говорит, и не в том стиле, в каком Амвросий выражается».⁷ На образец стиля поучений старца Зосимы Достоевский сам указал в уже цитировавшемся письме Н. А. Любимову: «Эта глава («О священном Писании в жизни отца Зосимы». — Г. Б.) восторженная и поэтическая, прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского, а наивность изложения — из книги странствований инока Парфения» (там же). Р. Плетнев в качестве возможного прототипа Зосимы, давшего имя герою Достоевского, называл схимонаха Зосиму Тобольского (1767—1835).⁸ Он же приводит параллели к образу старца Зосимы из агиографии: св. Зосиму Палестинского (VI в.) из жития Марии Египетской, св. Зосиму Соловецкого (ум. 1478) и др.⁹ В. Е. Ветловская отметила идеологические переклички образа Зосимы с личностью св. Франциска Ассизского (ум. 1226).¹⁰ М. С. Альтман сравнил Зосиму Достоевского с пушкинским Пименом из «Бориса Годунова».¹¹ Новое имя в круг прототипов Зосимы ввел недавно В. Н. Криволапов, сопоставив его с русским подвижником св. Серафимом Саровским (1754—1833).¹²

Названные прототипы и прообразы, ни один не равняясь полностью Зосиме, в совокупности складываются в «образно реальный» обобщенный тип «русского инока». Кажется, объяснены все стороны образа, проблема прототипов Зосимы исчерпана.

Однако осталась прототипически необъясненной биографическая часть образа: когда старец Зосима был еще офицером Зиновием.

⁴ Странник. 1881. № 7. С. 446, 448.

⁵ Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 67.

⁶ См.: Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. С. 123—124.

⁷ См.: Там же. С. 124.

⁸ Плетнев Р. Сердцем мудрые: (О «старцах» у Достоевского) // О Достоевском. Прага, 1933. Вып. 2. С. 84—85. Более подробно эта параллель была разработана М. М. Громыко в ее книге: Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 130—144.

⁹ Плетнев Р. Сердцем мудрые. С. 84.

¹⁰ Ветловская В. Е. Pater seraphicus // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 4.

¹¹ Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. С. 126.

¹² Криволапов В. Н. Традиции древнерусской культуры в творчестве Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы»): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1986.

Ее центральный сюжет — обращение военного в монахи. Учитывая установку автора на жизненную реальность героя («против действительности не погрешил»), следует предположить, что центральный сюжет «Сведенный биографических» также не выдуман автором произвольно, но имеет прототипическую опору на реальный материал. К удивлению, ни у одного из известных прототипов Зосимы этот сюжет не присутствует. Старец Амвросий, к примеру, прошел полный курс семинарии, затем духовной академии, лишь после этого поступил в монастырь. Тот же «семинарский» путь у Тихона Задонского (1724—1783). Впрочем, исследователи (Плетнев, Громыко) указывают сюжет обращения военного в монашество в жизнеописании Зосимы Тобольского, который действительно служил некоторое время в гвардии. Но монашество он принял, будучи не на военной службе, а став помещиком.¹³

Сюжет обращения военного в монашество не был в России XIX в. исключительной редкостью. Но, пожалуй, самой известной историей такого обращения была история подпоручика Дмитрия Александровича Брянчанинова (1807—1867).

Потомок древней вологодской дворянской фамилии, молодой человек с обостренным религиозным и нравственным чувством, романтик, первыми опытами в литературе обративший на себя внимание А. С. Пушкина, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, участник кружка президента Академии художеств А. И. Оленина, блестящий офицер, известный лично императору Николаю I, он совершенно неожиданно для родственников, сослуживцев, самого царя подал прошение об отставке с тем, чтобы стать монахом. Николай I через брата, великого князя Михаила Павловича, пытался отговорить молодого офицера от этого шага, но, несмотря на «высочайшую волю», Дмитрий Брянчанинов настоял на своем и, получив в конце концов отставку, ушел в монастырь. Эта загадочная история породила в обществе множество разговоров, слухов и легенд. В монашестве Брянчанинов принял имя Игнатий. После жительства в разных северных монастырях он был назначен по желанию Николая I настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петергофом, которою управлял почти четверть века: 1833—1857 гг. В 1857 г. архимандрит Игнатий возведен в сан епископа Кавказского и Черноморского, в течение четырех лет управлял новооткрытой епархией на Северном Кавказе в г. Ставрополе. В 1861 г. ушел на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре на Волге, где провел последние шесть лет своей жизни. В годы «покоя» епископ Игнатий принял на себя подвиг старчества, вел обширную переписку, писал духовные сочинения, широко издававшиеся в XIX в. Умер 30 апреля 1867 г., погребен в Бабаевском монастыре.¹⁴

¹³ Житие и подвиги в Бозе почившего блаженной памяти старца схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений: В 2 ч. М., 1889. Ч. 1. С. 10, 29.

¹⁴ См. наиболее полное исследование о Брянчанинове: *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Киев, 1915.

Может показаться, что сходство Игнатия и Зосимы заключается в самой общей схеме обращения военного в монашество. Видимо, этим и объясняется то, что до сих пор никто не сравнивал героя Достоевского с фигурой Брянчанинова. Однако при ближайшем исследовании обнаруживаются, как мы доказываем, не случайные совпадения. Жизненный путь старца Зосимы выясняется из «Сведений биографических» (гл. «Русский инок») и разрозненных замечаний в романе. Биография епископа Игнатия восстанавливается нами по материалам, опубликованным в печати при жизни Ф. М. Достоевского.

«Старец Зосима был лет шестидесяти пяти, происходил из помещиков, когда-то в самой ранней юности был военным и служил на Кавказе обер-офицером» (14, 28). «. . . родился я, — рассказывает о себе Зосима, — в далекой губернии северной, в городе В., от родителя дворянина, но не знатного и не весьма чиновного» (14, 260). Семья была состоятельная: «. . . не бедные вы, капитал имеете» (14, 263). Мирское имя Зосимы — Зиновий.

Дмитрий Александрович Брянчанинов происходил из дворянской помещичьей семьи, родился в родовом имении отца в с. Покровском под Вологдою. При этом нужно учесть то обстоятельство, что в некрологах о смерти Брянчанинова в 1867 г. указывалась именно Вологда.¹⁵ Эта неточность важна: она могла быть известна Достоевскому. «Епископ Игнатий, — сообщалось также в некрологах, — (дитя, дарованное за слезные молитвы матери, оставшейся после потери двух старших детей-младенцев продолжительное время бездетною) воспитывался в Вологде, в доме родительском до 15-тилетнего возраста. . .»¹⁶ Отец его Александр Семенович Брянчанинов — «потомок древних дворян Брянчаниновых, фамилии весьма известной и чтимой в Вологде».¹⁷

После смерти старшего брата Маркела мать определила Зиновия «в Петербург в кадетский корпус», «чтобы в императорскую гвардию потом поступить». «Посоветовали ей <. . .> почему бы сына вашего не отправить вам в Петербург, а оставшись здесь, знатной, может быть, участи его лишите» (14, 263). В кадетском корпусе Зиновий пробыл «долго, почти восемь лет. . .» (14, 268), по окончании получив звание обер-офицера. Брянчанинов по настоянию отца приехал в Петербург и в 1822 г. поступил в Главное Инженерное училище. Отец «не чужд был честолюбия видеть впоследствии сыновей своих занимающими почетные должности на государственной службе».¹⁸ Д. А. Брянчанинов вышел из верхнего офицерского класса училища в 1826 г. со званием инженера-подпоручика (обер-офицера).¹⁹

В «Сведениях биографических» часто встречаются указания на временные промежутки между событиями: «в кадетском корпусе

¹⁵ Домашняя беседа. 1867. № 24. С. 654—655.

¹⁶ Моск. ведомости. 1867. 22 июля. № 161.

¹⁷ Жизнеописание епископа Игнатия. СПб., 1881. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Исторический очерк развития Главного Инженерного училища. СПб., 1869. С. 73 (Приложение).

пробыл я долго, почти восемь лет», «через три года» после поступления Зиновия скончалась мать (14, 263), на службе Зиновий состоял «этак года четыре» (14, 268). Но лишь единственный раз указывается точная хронологическая дата события — поединок Зиновия, ставший поворотным моментом в его жизни. О нем сказано: «В двадцать шестом году дело было» (14, 269). Сразу после поединка Зиновий подал прошение об отставке, «а через пять месяцев удостоился господом богом стать на путь твердый и благолепный, благословляя перст невидимый, мне столь явно сей путь указавший» (14, 283). Таким образом, обер-офицер Зиновий ушел в монастырь в конце 1826—начале 1827 г.

Решающий поворот в жизни Брянчанинова, его обращение произошло также в 1826 г. «Весной 1826 г. он заболел тяжкою грудною болезнию, имевшею все признаки чахотки, так что не в силах был выходить. . .»²⁰ «Доктора. . . объявляли неоднократно пациенту своему смертный приговор. Он стал готовиться к смерти».²¹ И здесь произошел духовный переворот Брянчанинова. Эта история напоминает историю болезни брата старца Зосимы — Маркела. Перед поединком Зиновий вспомнил своего брата, и это стало толчком к его прозрению. Таким образом, в основе обращения героя Достоевского и Игнатия Брянчанинова лежит экзистенциальная «пограничная» ситуация на грани жизни и смерти, которую переживают оба. После неожиданного выздоровления подпоручик Дмитрий Брянчанинов решил стать монахом, в конце 1826 г. подал в канцелярию Инженерного училища прошение об увольнении от службы с тем, чтобы принять монашество. «В первых числах января 1827 г. Дмитрий Александрович был потребован во дворец к великому князю (Михаилу Павловичу. — Г. Б.). Там было собрано все высшее начальство инженерного училища».²² Разными средствами пытались отклонить 19-летнего офицера от его намерения, предлагая в том числе перевод в гвардию. На короткое время Брянчанинов был назначен на службу в Динабургскую инженерную команду, но осенью 1827 г. получил позволение на увольнение от службы и поступил послушником в Александро-Свирский монастырь.²³

На этом заканчивается «послужной список» обер-офицера Зиновия и начинается житие старца Зосимы. Внешний ряд его жизни отступает назад, даны лишь отрывочные сведения внешней жизни старца Зосимы после пострига, при этом сообщается единственная топографическая реалья: «. . . старец Зосима впервые начал иноческий подвиг свой в одном бедном, малоизвестном костромском монастыре»; «вскоре после того пошел сопутствовать отцу Анфиму в странствиях его для сбора пожертвований на их бедный костромской монастырек» (14, 257, 258).

Епископ Игнатий в начале своего монашеского пути исходил много русских монастырей, начал иноческий путь в Александро-

²⁰ Жизнеописание епископа Игнатия. С. 28.

²¹ Моск. ведомости. 1867. 22 июля. № 161.

²² Жизнеописание епископа Игнатия. С. 32.

²³ Там же. С. 34—36.

Свирском монастыре (1827 г.), жил в Площанской пустыни (1828 г.), Свенском монастыре (1828 г.), Белобережной пустыни (1828 г.), Оптиной пустыни (1829 г.), Кирилло-Новоезерском монастыре (1830 г.), Глушицком (1831 г.), в 1832 г. был строителем Пельшемского монастыря.²⁴ Уйдя на покой после епископской кафедры на Кавказе, Игнатий поселился в малоизвестном Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, где прославился как духовный старец. Особо нужно подчеркнуть связь епископа Игнатия с Оптиной пустыней. Одним из первых духовных наставников Игнатия был первый оптинский старец Леонид, в схиме — Лев (1768—1844). Именно он утвердил Брянчанинова в выборе монашеского пути: «Сердце вырвал у меня о. Леонид, — теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу».²⁵ Одно время Игнатий жил в Оптиной пустыни, позже хотел навсегда поселиться в ней, считая Оптину воплощением своего представления о монастырях как лечебницах душ.²⁶

Сделанное сопоставление обнаруживает точное совпадение реалий жизнеописания старца Зосимы и биографии епископа Игнатия: происхождение, место рождения, офицерское звание, время обращения, место монашества и др. Такое системное сходство не может быть случайным. Видимо, писатель сознательно использует факты биографии епископа Игнатия для создания биографической части образа старца Зосимы. Канва жизни Зосимы строится в основном по образу и подобию жизненного пути Игнатия Брянчанинова.

Достоевский нигде ни разу не упоминает имени Игнатия Брянчанинова. Тем не менее писатель бесспорно знал о епископе-подвижнике. Имя Игнатия было широко известно русскому обществу. О нем в своей переписке уважительно отзывается Н. В. Гоголь.²⁷ В дружеских отношениях с ним состояли композиторы П. И. Турчапинов, М. И. Глинка, художник К. П. Брюллов, архитектор А. М. Горностаев.²⁸ Н. С. Лесков изобразил Игнатия в рассказе «Инженеры-бессребреники» (1887). «Краса русского православного иночества»,²⁹ «... личность преосвященного Игнатия высоко примечательна, немного таких людей в настоящее время. . .»,³⁰ «... и счастлив тот народ, у которого есть такие люди. . .»,³¹ — такие отзывы можно было прочесть о нем в дореволюционной церковной печати.

Имя Игнатия Брянчанинова можно было встретить на страницах и революционных изданий, хотя уже в иной оценке. В 1859 г. в «Коло-

²⁴ Там же. С. 37—53.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ *Игнатий (Брянчанинов)*. О монашестве. Ярославль, 1869. С. 36.

²⁷ См. также отзыв епископа Игнатия о книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»: *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. С. 120—122.

²⁸ *Житие святителя Игнатия Брянчанинова // Канонизация святых. Троице-Сергиева Лавра, 1988. С. 124—126.*

²⁹ Церковные ведомости. 1903. № 31. С. 1162.

³⁰ Странник. 1882. № 6. С. 330.

³¹ Там же. С. 333.

коле» была опубликована статья А. И. Герцена «Во Христе сапер Игнатий», в которой революционер вступает в полемику с епископом по поводу предстоящей крестьянской реформы. Епископ Игнатий составил ответ-опровержение Герцену, оставшийся при жизни обоих не опубликованным.³² Герцен полемически упоминал имя Игнатия и в других статьях «Колокола», к примеру в статье, посвященной канонизации Тихона Задонского, — «Ископаемый епископ» (Колокол. 1861. 15 авг.).

Но у Достоевского могло быть более близкое знание Игнатия Брянчанинова. Брянчанинов учился в том же Инженерном училище, где одиннадцатью годами позже будет учиться Достоевский. Даже спустя десятилетие в училище ходили рассказы о необыкновенном поступке подпоручика Брянчанинова. «Уже вскоре после столь загадочного для большинства питомцев и администраторов поступка под его влиянием в училище как бы сам собой образуется кружок „почитателей святости и чести“. Традиции этого кружка дожили и до времени Достоевского».³³ Один из питомцев училища М. В. Чихачев, в монашестве отец Михаил, последовал за Игнатием Брянчаниновым: также оставив военную службу, он ушел в монастырь.³⁴ «Воспоминания об этих искателях праведности сохранились надолго в стенах Михайловского замка. Поступивший в Инженерное училище в 1838 г. Достоевский мог открыть еще свежие следы морального подвижничества в пределах сурового института. И по примеру этих старинных товарищей-аскетов он уединяется от нового поколения инженеров-сребролюбцев, которые „чин почитали за ум“ и „в шестнадцать лет уже толковали о теплых местечках“ (как он вспоминает в 1864 году)».³⁵ О том, «что эта мистическая струя коснулась и юного Достоевского»,³⁶ свидетельствуют воспоминания воспитанников училища: «Федор Михайлович вел себя скромно, строевые обязанности и учебные занятия исполнял безукоризненно, но был очень религиозен, исполняя усердно обязанности православного христианина < . . . > После лекций из закона Божьего о. Полуэктова Федор Михайлович еще долго беседовал со своим законоучителем. Всё это настолько бросалось в глаза товарищам, что они его прозвали монахом Фотием».³⁷ Подобное прозвище должно было вызывать воспоминания о другом воспитаннике училища, действительно ставшем монахом, могло быть и прямым намеком на Игнатия Брянчанинова.

Во время учебы Достоевского в Инженерном училище Игнатий Брянчанинов был настоятелем Троице-Сергиевой пустыни, находившейся в 19 верстах от С.-Петербурга и в 9 верстах от Петергофа

---

³² См.: Замечания на отзыв журнала «Колокол» к кавказскому епископу Игнатию // Богословский вестник. 1913. Т. 1. № 2. С. 195—200.

³³ Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1985. С. 38.

³⁴ Жизнеописание епископа Игнатия. С. 42.

³⁵ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1985. С. 30.

³⁶ Мочульский К. Достоевский: Жизнь и творчество. Париж, 1947. С. 15.

³⁷ Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 97.

вдоль Петергофского шоссе. Архимандрит Игнатий заново возродил пустынь, отстроил ее, пригласив архитектора А. М. Горностаева. Пустынь при настоятельстве Игнатия стала любимым местом паломничества петербуржцев, что было отмечено в некрологе о смерти Брянчанинова в «Московских новостях»: Игнатию «Сергиева пустынь обязана тем благолепным видом и благоустройством< . . .>, которые так известны жителям Петербурга и сделали для них Сергиеву пустынь тем же, что для московских жителей издревле есть ее первообраз, древняя лавра преподобного Сергия, — местом, куда жители северной столицы стекаются на богомолье. Архимандрит Игнатий приобрел в Петербурге почетную славу искусного и опытного в духовной жизни настоятеля».³⁸ Будучи кондуктором Инженерного училища, Достоевский летние месяцы (июнь—август) в течение четырех лет (1838—1841) проводил в лагере под Петергофом.³⁹ «Занятия в лагерях, — значилось в приказе, — должны состоять из решения геометрических практических задач и в съемке и нивелировании местности, в разбитии и производстве саперных и линейных работ».⁴⁰ «В лагере нас баловали, — вспоминает воспитанник училища И. М. Сеченов. — Ученьями не мучили, так что свободного времени было вдоволь».⁴¹ Учитывая все эти обстоятельства, естественно предположить, что Достоевский посещал лавру северной столицы (тем более если вспомнить, что детские поездки в Сергиеву лавру под Москвой были «эпохами в жизни»⁴² будущего писателя), мог видеть настоятеля-«инженера» в период летних сборов (на время которых приходился престольный праздник Сергиевой пустыни — день обретения мощей св. Сергия Радонежского — 5 июля). Таким образом, епископ Игнатий Брянчанинов, судя по всему, входил в круг личных впечатлений Ф. М. Достоевского. О несомненном интересе писателя к личности Брянчанинова свидетельствует тот факт, что в личной библиотеке Достоевского были книги епископа Игнатия, в частности «Слово о смерти».⁴³

Игнатий Брянчанинов, кроме всего, известен как крупный духовный писатель. Его сочинения в пяти томах трижды издавались до революции. Только при жизни Достоевского вышло около 30 отдельных изданий разных сочинений Брянчанинова. «Его „Аскетические опыты“, „Слова и речи“, „Отечник“ и пр. всегда будут занимать видное место в нашей духовной словесности, по высоте и глубине самого учения, по богатству собранных сведений».⁴⁴ Образцом ясности формы и содержания для Игнатия, по его собственному признанию, был А. С. Пушкин.⁴⁵ В своих писаниях Брянчанинов

³⁸ Моск. ведомости. 1867. 7 мая. № 109.

³⁹ Якубович П. Д. Достоевский в Главном Инженерном училище // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 183—185.

⁴⁰ Там же. С. 183.

⁴¹ Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1907. С. 21.

⁴² Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930. С. 48—49.

⁴³ Десяткина Л. П., Фридендер Г. М. Библиотека Достоевского: (Новые материалы) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 260.

⁴⁴ Древняя и новая Россия. 1876. Т. 3. № 12. С. 420.

⁴⁵ Там же.

исследует не только вопросы монашеской жизни, но касается вековечных, «проклятых» вопросов бытия. Характерны последние слова, записанные им в день своей кончины: «Что душа моя? Что тело мое? Что — ум мой? Что — чувства тела? Что силы души и тела? Что — жизнь? . . . Вопросы неразрешенные, вопросы неразрешимые. В течение тысячелетий род человеческий приступал к обсуждению этих вопросов, усиливался разрешить их и отступал от них, убеждаясь в их неразрешимости. . .».⁴⁶ Стиль и метод этих размышлений близки творческому методу Достоевского.

Знакомство Ф. М. Достоевского с сочинениями Игнатия позволяет сопоставить не только факты жизни Брянчанинова, но и его сочинения с поучениями старца Зосимы.

Первое, что обращает на себя внимание, — это совпадение тем и названий книг Игнатия и поучений Зосимы:

<i>У епископа Игнатия</i>	<i>У старца Зосимы</i>
«Ад и рай» (СПб., 1879);	«Об аде и адском огне, рассуждение мистическое» (14, 292);
«О молитве Иисусовой: Беседа меж старцем и учеником его» (СПб., 1867)	«О молитве, о любви и о соприсносновении мирам иным» (14, 288);
«О монашестве: Разговор между православными христианами, мирянином и монахом» (Ярославль, 1869).	«Нечто о иноке русском и о возможном значении его» (14, 284).

Одно из самых интересных произведений Игнатия Брянчанинова — его исповедь «Плач мой», опубликованная при жизни Достоевского в I томе Сочинений Брянчанинова в 1865 г. «Плач мой» — прежде всего документ человеческого духа, позволяющий увидеть духовный путь Брянчанинова, историю его обращения изнутри, глазами самого подвижника. Это не воспоминания, не автобиография, не исповедь в стиле литературы нового времени (Руссо, Толстой), но исповедь, восходящая истоками своими к Екклесиасту, Августину Блаженному, Григорию Богослову, где высказывание автора является его последним словом о себе пред Богом. Представляет интерес сравнить «Плач мой» и Житие старца Зосимы, которое есть последняя исповедь старца, записанная его учеником.

К наиболее сильным воспоминаниям детства у Игнатия, как и у Зосимы, относится чтение Священного Писания: «Я не имел кому открыть моего сердца: начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих».⁴⁷ Как и Зосиму, Игнатия в детстве посещает некое высшее откровение: «Когда я был пятнадцатилетним юношей, несказанная тишина возвела в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, я полагал, что это — обыкновенное состояние всех человеков».⁴⁸ Поступление в военное учебное заведение

⁴⁶ Домашняя беседа. 1867. 20 мая. № 21. С. 581.

⁴⁷ Игнатий (Брянчанинов). Соч. СПб., 1865. Т. I. С. 633.

⁴⁸ Там же.

для обоих стало своего рода искушением, после которого оба приходят к решительному перевороту в своей жизни. Зосима в кадетском корпусе «с новым воспитанием многое заглушил из впечатлений детских, хотя и не забыл ничего. Взамен того принял столько новых привычек и даже мнений, что преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое. < . . . > пустился я жить в свое удовольствие, со всем юным стремлением, без удержу, поплыл на всех парусах» (14, 268). Игнатий пишет о себе в Инженерном училище: «Взоры мои обратились к миру; утех, служения временные посреди его казались мне достоянием, назначением человека. Смерти не существовало для меня! земная жизнь представлялась мне вечною: так мысль о смерти была чужда уму моему. . .», «. . . несказанный дар благодати, данный при крещении, был < . . . > засыпан, как прахом, помышлениями о преуспейнии и наслаждениях временных, о служении суете и темному свету суетного века». ⁴⁹

Выше сравнивались мотивы обращения у Игнатия и Зосимы. В обращении Зиновия-Зосимы решающую роль играет воспоминание накануне поединка о смерти брата Маркела, о его просветлении перед смертью: «И представилась мне вдруг вся правда, во всем просвещении своем: что я иду делать? Иду убивать человека. . .» (14, 270). Брянчанинов приходит к внутреннему перевороту после смертельной болезни. В обоих случаях отрезвление от «темного света» века сего и прозрение высшей гармонии происходит пред лицом смерти. Среди слухов о поступке Игнатия были рассказы, объясняющие его нежеланием Брянчанинова взять в руки оружие, чтобы не убить человека. «По рассказам современников, Брянчанинов и Чихачев колебались уходить из мира в монастырь и решились на это только тогда, когда представилась необходимость взяться за оружие для настоящих военных действий. Как только у нас разгорелась война с Турцией, то Чихачев и Брянчанинов оба разом подали просьбы об отставке. Это было и странно, и незаконно, и даже постыдно, так как представляло их трусами, но тем не менее они ни на что это не посмотрели и просили выпустить их из военной службы в отставку» ⁵⁰ (ср. у Зосимы мотив нежелания убить человека).

Даже если Достоевский не знал «Плача» Игнатия Брянчанинова, тем более поразительно сходство внутренних переживаний героев, сходство психологии и мотивов поступков, свидетельствующие о глубине постижения писателем мира «русского инока», о том, что Достоевский в старце Зосиме «против действительности не погрешил». То, что Игнатий пережил и описал как свой личный опыт, Достоевский художественно постиг и воспроизвел в образе старца Зосимы.

Связь образа старца Зосимы и личности епископа Игнатия почувствовали еще первые читатели романа «Братья Карамазовы». В уже цитированной статье «Страпника» после упоминания Игнатия Брянчанинова неожиданно вспоминается старец Зосима: «Гени-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 10. С. 240—241.

альную проницательность обнаружил великий русский писатель Ф. М. Достоевский, изобразив в лице старца Зосимы современного инока русского во всей широте его взглядов и строгости аскетических требований. И мы имели случай указать < . . . > что тип этот взят прямо с натуры. Теперь снова можем подтвердить то же самое. Перед нами опять живой и сияющий лик подвижника, недавно умершего, жизнь и учение которого неопровержимо доказывают, что „иночество русское“ еще не вымерло, что и остается оно верным хранителем православно-восточных заветов и преданий. . .».⁵¹ Здесь прямо сопоставлены литературный герой и реальный подвижник. В сознании первых читателей «Братьев Карамазовых» эти образы совпадали, один угадывался в другом.

Проведенное исследование позволяет установить еще один прототип старца Зосимы. Что нового дает он в понимании образа Зосимы? Личность Игнатия Брянчанинова стала известна Достоевскому в конце 1830-х—начале 1840-х гг. во время учебы в Инженерном училище, тогда как другие прототипы Зосимы стали известны писателю лишь после каторги (Тихон Задонский, Амвросий Оптинский, инок Парфений) или же на каторге (Зосима Тобольский). Таким образом, фигура Игнатия Брянчанинова стоит первой в чреде тех впечатлений Достоевского, которые в итоге сложились в обобщенный тип «русского инока» в «Братьях Карамазовых». Новый прототип позволяет уточнить творческую историю образа Зосимы, отнести истоки образа «русского инока» к еще докаторжным впечатлениям писателя, к началу его литературной деятельности. Прототип Игнатия, «инженера-бессребреника, вошедшего в сознание Достоевского еще на скамье Инженерного училища, делает яснее наполненность образа Зосимы автобиографическими воспоминаниями. Создавая образ Зосимы, Достоевский прежде всего вспоминает детство, мать, Священное Писание, военную школу,⁵² вспоминает и одно из впечатлений училища — Игнатия Брянчанинова.

Важен также идеологический момент обращения Достоевского к личности епископа Игнатия. Писателя принципиально не могли устроить «семинарские» биографии Тихона Задонского и старца Зосимы. Достаточно вспомнить многочисленные филиппики в статьях, рабочих тетрадях и записных книжках Достоевского против семинаристов. Писателю для «святой фигуры» «идеального христианина» в соответствии с его почвеннической концепцией была нужна биография, которая бы соединяла в себе начала дворянское и народное. Соединение того и другого есть в биографии Игнатия, дворянина, прошедшего сложный путь духовных исканий и пришедшего к народной, «почвенной» правде, ставшего ее носителем — старцем в монастыре, хранителем «лика Христова», руководителем народной со- вести.

---

⁵¹ Странник. 1882. № 6. С. 330.

⁵² «Его (Зосимы. — Г. Б.) автобиография является, в сущности, биографией моего отца», — считала Л. Ф. Достоевская. См.: Новые страницы из книги дочери Ф. М. Достоевского // Сиб. огни. 1987. № 12. С. 168.

Ф. М. Достоевский, пристально вглядываясь в близких ему по времени русских подвижников, угадывая в них «святую фигуру» «идеального христианина», как и во многом другом, оказался пророком. Когда статья эта была закончена и в виде доклада в мае 1988 г. прочитана на Старорусских чтениях, посвященных Достоевскому, стало известно, что в связи с Тысячелетием Крещения Руси на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, проходившем в Троице-Сергиевой лавре 6—9 июня 1988 г., епископ Игнатий Кавказский в числе других подвижников, среди которых были Паисий Величковский и Амвросий Оптинский, был причислен к лику святых. Это была по сути «канонизация» того христианского идеала Достоевского, который он проповедовал в образе старца Зосимы. Святые Игнатий Брянчанинов, Паисий Величковский, Амвросий Оптинский как прототипы старца Зосимы действительно оказались «прототипами-истинниками».